научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 130.2

ИДЕЯ ХРАМА КАК «РУССКАЯ ИДЕЯ» В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

КЛЮКИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
кафедра философии и культурологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
klyukina-la77@yandex.ru

Ключевые слова:
вселенский собор
идея всеединства
«русская идея»
Е. Н. Трубецкой
Н. Ф. Федоров
П. А. Флоренский
храм
храмовое действо

Аннотация:
В статье проанализировано содержание идеи храма в творчестве Н. Ф. Федорова, Е. Н. Трубецкого и П. А. Флоренского. Автор обосновывает положение о том, что идея храма в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века может рассматриваться фокусом русской религиозной культуры конца XIX – начала XX века. Показано, что такая конкретная форма жизни, как храмовое действо, раскрывала выраженный в ней смысл категории всеединства русской философии и идеала Пресвятой Троицы русской православной культуры. Автор делает вывод, что идею храма русских религиозных философов можно интерпретировать в качестве способа реализации метафизического смысла «русской идеи», заключающийся в нравственно-духовном преображении жизни на основе ценностей православия.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 16 июля 2020 года Опубликована: 16 августа 2020 года

ИДЕЯ ХРАМА КАК «РУССКАЯ ИДЕЯ» В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье проанализировано содержание идеи храма в творчестве Н. Ф. Федорова, Е. Н. Трубецкого и П. А. Флоренского. Автор обосновывает положение о том, что идея храма в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века может рассматриваться фокусом русской религиозной культуры конца XIX – начала XX века. Показано, что такая конкретная форма жизни, как храмовое действо, раскрывала выраженный в ней смысл категории всеединства русской философии и идеала Пресвятой Троицы русской православной культуры. Автор делает вывод, что идею храма русских религиозных философов можно интерпретировать в качестве способа реализации метафизического смысла «русской идеи», заключающийся в нравственно-духовном преображении жизни на основе ценностей православия.

Ключевые слова: вселенский собор, идея всеединства, «русская идея», Е. Н. Трубецкой, Н. Ф. Федоров, П. А. Флоренский, храм, храмовое действо.

Введение

В истории отечественной культуры конца XIX – начала XX века отмечается мировоззренческий переворот, связанный с возрождением интереса к русской православной культуре. В области культового зодчества в качестве образца для подражания и творческого переосмысления был выбран стиль становления Московского государства XV – XVI веков. Во второй половине XIX века храмовая

архитектура выражала идеи народности и национальности, пропагандируемые, прежде всего, властью. В начале XX века в кругах интеллигенции символика храма стала пониматься уже иначе. На первый план выходят поиски русской интеллигенцией духовности в национальном наследии русской культуры. Возрождение православия как духовной идеи русского народа видится интеллигенции как единение почвы и просвещения. Архитекторы пытались найти новые художественные средства для выражения религиозно-нравственных ценностей. В результате таких поисков был создан самобытный «русский стиль» в архитектуре. Объемы храмостроительства увеличились до небывалых размеров за всю историю России. «Только за первые семнадцать лет XX столетия в России открылось 165 монастырей, а за 1906–1912 годы – пять с половиной тысяч новых храмов» [1: 292]. Тенденции, выраженные в храмовой архитектуре «русского стиля», приобретают всеобщность и распространяются на живопись, декоративно-прикладное искусство, музыку и другие сферы искусства, что позволяет говорить о формировании единого культурного пространства. Вместе с этим в русской религиозно-ориентированной философии также наблюдается попытка обратиться к возрождению духовного опыта православия в форме «нового религиозного сознания». Стремление религиозных философов натурализировать метафизические идеи выразилось в исследовании ими русского религиозного искусства с философской точки зрения. Так, например, Н. Ф. Федоров и П. А. Флоренский видели синтез искусств в храмовом действе. Храм понимался ими в виде подобия града Божьего, идеально устроенной вселенной. В связи с тем, что идея храма Н. Ф. Федорова и П. А. Флоренского оказала значительное влияние на формирование мировоззрения как современников, так и потомков, целью данной статьи является обоснование мысли, согласно которой идея храма в русской религиозно-ориентированной философии конца XIX – начала XX века может пониматься творческим воплощением «русской идеи».

Основная часть

Н. Ф. Федоров видел смысл мировой истории в воплощении проекта вселенского собора в условиях земной жизни. Реализация этого замысла, по Федорову, подразумевает изменение сознания, влекущее за собой изменение всех видов человеческой деятельности. Необходимо, по его мнению, воссоединить все народы на основе любви сыновей ко всем умершим отцам, что будет способствовать братской любви. Причиной небратского состояния мира Н. Ф. Федоров считал смерть, поэтому общим делом всего человечества является борьба со смертью и реальное воскрешение умерших отцов. Необходимо объединить средства религии, науки и искусства и направить их на преодоление небратского состояния мира. Начало общему делу было положено в практике составления христианской церковью синодальных списков и чтения поминальной молитвы. «Внешним выражением синодика служит кладбище с его памятниками, так же внешним выражением святц служит сам храм с его иконами» [4: 311]. Храмы были могильными памятниками мученикам, богатство и величие храма свидетельствовали об уважении к мученику. Общим символом всех религий мыслитель считает алтарь, «ибо он есть памятник всем умершим и, следовательно, святыня для всех, кто признает себя смертным» [4: 329]. Согласно Н. Ф. Федорову, у всех религий одна общая сущность – это любовь детей к умершим отцам. Осознание общих предков порождает братскую любовь. Культ предков воспитывает в людях сознание единства и стремление к миру. Объединить цели научного исследования и задачи нравственного воспитания возможно, с точки зрения философа, в храмовой деятельности, так как исторически храму принадлежали эти функции. В результате превращения базилики в православный храм к восточной абсиде пристраивались северная и южная абсиды, в северной хранились предметы богослужения, в южной – книги. Из северной абсиды затем образовался музей, из южной – библиотека, но первоначально три абсиды были частями одного целого [4: 340]. От храма постепенно отделились музей, библиотека и школа. Восстановление утраченной связи между храмом и музеем, библиотекой и школой в храмовой деятельности, по Н. Ф. Федорову, будет способствовать осмысливанию светской культуры и оживлению религии.

Музей, с точки зрения Н. Ф. Федорова, «в связи с храмом, как сила, переводящая мир из небратского состояния в противоположное, братское, есть сама история, переходящая из бессознательного хода в сознательное действие; это переход рода человеческого в совершеннолетие, и потому останавливать такой ход невозможно, можно разве только задержать его, замедлить» [4: 394]. Музейная коллекция способствует становлению культа предков, так как она есть собирание старых ненужных вещей, хранящих память об умерших людях, поэтому она есть собирание умерших душ. В этом смысле для музея человек значит больше, чем вещь, в культуре фабричной цивилизации вещь ценится больше человека [5: 371]. Музейная деятельность показывает, что прошлое не умерло, а является актуальным для живущих. В ее рамках исследование прошлого может трансформироваться в

самоисследование, что приведет к воскрешению жизни.

Сам музей выстроен по образу книги, которая поясняется демонстрациями различных лабораторий, кабинетов, институтов. Таким образом, он может дать начало всемирной библиотеке. Проблема заключается в нахождении удачного способа классификации книг, для чего нужна общая теория, включающая в себя все науки, философию и религию. Общая теория предполагает объединение учебных заведений в один университет, роль которого также может выполнять музей. Учителя должны заниматься научной деятельностью и музейной работой, а ученые должны преподавать в учебных заведениях. «Музей должен соединить в себе все учебные и ученые заведения и общества» [5: 391]. Соединение теории и практики подразумевает признание Церковью науки в деле восстановления братства и воскрешения отцов. По мнению Н. Ф. Федорова, Кремль, превращенный в музей, обрел черты храма, живой души России, поскольку стал выражать волю народа в согласии с его разумом, неотделенным от памяти об отцах [5: 372–373].

Относительно Москвы он писал, что ее призвание заключается в том, чтобы быть самородным музеем России. Москва продолжила дело Владимира Мономаха по объединению русских православных земель. Однако это дело московская традиция, по Н. Ф. Федорову, поняла чисто внешним образом, поэтому Москва выполняла роль политического, а затем экономического центра России. Утратив статус столицы, она превратилась в музей-архив всероссийского значения. В бывшей столице сосредоточены рукописи, иконы, летописи, архивы, архитектурные памятники русской культуры, университет. По причине бюрократизации музейной и исследовательской деятельности Москва не стала центром духовного объединения, хотя она могла бы стать музеем всемирного значения, так как усвоила свою миссию собирания ценностей православной культуры от Константинополя [5: 402–405]. Дело всемирного значения возможно на основе братского объединения людей, что было осмыслено в христианском догмате о Троице. Догмат о Троице должен быть понят моральной заповедью для жизни людей, взятых не по отдельности, а «в их совокупности, всенародности, междусословности, междусектантности» [5: 416].

Начало воссоединению музея с храмом уже положено в рамках религиозного искусства. Н. Ф. Федоров особенно ценил храмовую живопись как «грамоту для неграмотных» [4: 315]. Иконы и фрески передавали богословские идеи в простой доходчивой форме. Светская живопись, с его точки зрения, хотя и утратила смысл целого, но «была протестом против мертвенности, жаждала жизни» [4: 319]. Религиозное и светское искусство можно примирить тогда, когда они будут показывать причины небратства и давать надежду на воскрешение отцов. Таким образом, в рамках общего дела становится возможным воссоединить церковь и мир в единый собор.

Е. Н. Трубецкой представлял храм в виде образа идеальной вселенной, объединяющей все человечество, ангелов и всю низшую тварь [3: 198]. Философ, по-разному интерпретировал внешний и внутренний образ храма. Средневековые православные храмы Новгорода и Пскова XII–XIV веков, а также Москвы XV–XVI веков обычно завершались луковичными главами с крестами. Это означало, по его мнению, стремление к Богу, «горение ко кресту», к духовно-нравственному идеалу как цели земного существования человека. Внутреннее пространство храма мыслитель трактовал как гигантский купол, покрывший землю, мирообъемлющий храм, где царит любовь между Богом и всей тварью [3: 199]. Согласно Е. Н. Трубецкому, все древнерусское изобразительное искусство выражает идею собора всей твари и подчинено архитектурному плану.

Для П. А. Флоренского «храм есть путь горнего восхождения» [6: 439]. Внутреннее пространство храма есть явление трансцендентного в посюстороннем мире, о чем напоминает, прежде всего, алтарь, понимаемый им «миром невидимым» [6: 440]. Иконы на иконостасе являются «видимыми свидетелями мира невидимого, – живыми символами соединения того и другого, иначе – святыми тварями» [6: 440]. С его точки зрения, храм представляет собой живую лабораторию духа русской культуры, который выражается в храмовом действе. Само храмовое действо мыслитель рассматривал предельным синтезом искусств, синтезом Искусства в смысле теургии [6: 382]. Культурным идеалом философ считал средневековую русскую культуру XIV–XVII веков. Удачным примером воплощения данного стиля, по его мнению, была Троице-Сергиева Лавра. Троице-Сергиеву Лавру он называл конспектом бытия России [6: 353]. Лавра есть воплощение русской идеи, созданное стараниями устроителя русской земли Сергием Радонежским. Духовное прозрение Преподобного Сергия П. А. Флоренский связывает с пониманием святым того, что собирание русского общества в единый духовный организм возможно на основе идеи Пресвятой Троицы, которая должна пронизывать все стороны русской культуры и жизни. Всех людей должна объединять идея присутствия божественной любви в земной жизни. Икона «Троица» Андрея Рублева, находящаяся в Троицком соборе в Лавре, наглядно явила духовные прозрения Преподобного

Сергия. В иконе отразились сверхчувственные идеи, в ликах святых, изображенных на иконе, отразился сам Образ Божий, убеждающий в присутствии первообраза, самого Бога. Чувственное явление духовного мира созерцается в красках и линиях иконы. Перед образом иконы «утихает горение страстей и суета мира, оно сознается превыше-мирным, качественно превосходящим мир и из своей области действующим тут, среди нас» [6: 449]. Таким образом, идея «Москва − Третий Рим» понимается П. А. Флоренским культурно-исторической миссией России, заключающейся в реализации унаследованной от Византии идеи Пресвятой Троицы в нравственной, эстетической, интеллектуальной и государственной сферах жизни. В Лавре сосредоточены все культурные ценности и достижения России. Русский народный быт, связанный с празднованием дня Пресвятой Троицы и других православных праздников, русская архитектура, русская иконопись, русская литература, русское просвещение, русская хозяйственность, русская государственность, традиции общежития русского монашества, русское хоровое церковное пение, традиции русского шитья и других видов декоративно-прикладного искусства – все это есть, по мысли философа, реализация «русской идеи», творчески усвоенной от Византии [6: 366–369].

Однако, с точки зрения мыслителя, бессмысленно Лавру превращать в музей. Музей отрывает художественное произведение от его среды, превращая произведение искусства в вещь, «в мертвую мумию художественной деятельности» [6: 371]. На самом деле предмет искусства «должен быть понимаем как никогда не иссякающая, вечно бьющая струя самого творчества, как живая, пульсирующая деятельность творца хотя и отодвинутая от него временем и пространством, но все еще неотделимая от него, все еще переливающая и играющая цветами жизни, всегда волнующаяся ἐνέργεια духа» [6: 371]. «Жизненность искусства зависит от степени объединенности впечатлений и способов их выражений» [6: 374]. Именно такую духовную среду удалось создать Сергию Радонежскому и его сподвижникам в Лавре. В храме все сферы храмовой деятельности взаимосвязаны. В храмовой архитектуре отражается такой эффект, «как вьющиеся по фрескам и обвивающие столпы купола ленты голубоватого фимиама» [6: 379], расширяющие внутреннее пространство храма и вносящие в него жизнь. Пластика и ритмичные движения священнослужителей во время службы, игра света на складках их одежды, благовония, ионизация воздуха тысячами горящих свечей – все это дает неизгладимое впечатление животворящего духа. «Синтез храмового действа не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию, — поэзию всех видов, сам являясь в плоскости эстетики — музыкальною драмой. Тут все подчинено единой цели, верховному эффекту кафарсиса этой музыкальной драмы, и потому все, соподчиненное тут друг другу, не существует или, по крайней мере, ложно существует взятое порознь» [6: 379]. Поэтому П. А. Флоренский утверждал, что нельзя вывозить из Лавры признанные художественной ценностью иконы не с мистической точки зрения, а прежде всего с точки зрения искусства. Музей не должен быть собиранием мертвых, отделенных от своей почвы предметов. Так как подлинное искусство представляет собой, по П. А. Флоренскому, единство содержания и способов его выражения, то Лавра должна быть сохранена как живой храм-музей со всей своей самобытностью. Необходимо также, по его мнению, устроить при ней учебные и научные учреждения, изучающие проблемы эстетики, в том числе и современной. Тогда Троице-Сергиева Лавра будет не только памятником прошлого России, но и источником духа русской культуры [6: 381]. Храмовое действо, связанное со всеми остальными сферами культуры, будет пониматься способом бытия культуры России [6: 381].

Заключение

Вышеперечисленные философы критически относились к идее культуры западноевропейской философии как национальной идее. Полагая, что смысл культуры находится за пределами культуры, они развивали альтернативный науке подход к культуре, основанный на понятии культа. Культ понимается философами как первичный экзистенциальный акт, в ходе которого человеком осознается связь его бытия с реальностью. Воспроизведение этого первичного смысла в культовом действии порождает сакральные ценности и сакральные вещи. Связь сознания с бытием фиксируется русскими мыслителями в идее Абсолютной личности, которая творит реальность вне себя. Культура представляет тогда объективацию творческой деятельности Абсолюта, производное от культа. В рамках культурной деятельности акту творчества придается конкретная форма, в той или иной степени выражающая ноуменальное. «Понятие культа оказывается особо значимым в русской религиозно-ориентированной философии, так как его использование позволяет создать методологическую позицию, посредством которой становится возможным смещение от процесса описания культуры к выявлению основ самого акта описания, который, в свою очередь, есть в сущности «культурное» действие» [2: 73].

Стремление к целостности индивидуального и всеобщего привело к выдвижению в сознании

русских философов на первый план идеи всеединства. Идея всеединства как идеал целостности Вселенной означала взаимообщение Бога, человека и космоса, что подразумевало выход сознания в пространство. Поэтому воплощение идеи всеединства в культуре, с точки зрения русских мыслителей, может быть осуществлено только посредством символов. Н. Ф. Федоров, Е. Н. Трубецкой и П. А. Флоренский сходятся в том, что высшей формой творчества, воплощающей идею всеединства, является религиозное искусство, теургия. Теургия как богоосуществление предполагает полную реализацию смысла в чувственной форме. В связи с этим задачи религиозного искусства и религиозной культуры совпадают в вопросе поиска формы синтеза, представляющей собой тело целого, образ высшей организации материального мира. Формой такого синтеза ими понимался храм и храмовое действо. Храм мыслился телесно воплощенным символом, и веществом, и идеей. Символ храма использовался, чтобы показать связь Бога и человека, а также чтобы смоделировать саму ситуацию целостности и всеединства и описать понимание данной категории как выражения идеи Пресвятой Троицы. Храм как собор всей твари понимался высшей реальностью и вместе с тем философской категорией, выражающей смысл русской религиозной культуры конца XIX – начала XX века. Внешний образ храма, иконы и фрески служили грамотой для неграмотных и доходчиво объясняли религиозно-философские идеи до сознания простого человека. Таким образом, храмовое действо рассматривалось русскими философами в качестве синтеза религиозного русского искусства конца XIX – начала XX века, а идея храма понималась ими фокусом всей русской религиозной культуры данного периода.

Русские религиозные мыслители считали, что религиозное искусство, представленное в виде храмового действа, является идеальным способом реализации смысла «русской идеи», который, по их мнению, заключался в идее нравственно-духовного преображения жизни на основе ценностей православия. «Русская идея», по их мнению, есть нравственно развитое общество, где отношения между людьми складываются на основе идеи христианской любви. С их точки зрения, новое сознание и новая телесность человека, сформированные в религиозном опыте, и есть условия для становления новой социальной реальности, Царства Божьего на земле. Интерпретация русскими мыслителями «русской идеи» в религиозно-эстетическом ключе является востребованной в современной русской культуре, так как создает возможности для формирования ее стилевого единства и обнаружения преемственности между ее историческими пластами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М.: Издательство «Галарт»; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. 432 с.

2. Клюкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры [в 3 ч.]. Ч. I. Метатеоретический подход М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. – 85 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

3. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. С. 195–219.

4. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.

5. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. II. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 544 с.

6. Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. 877 с.

REFERENCES

1. Kirichenko E. I. Russian Style. In search of national identity. Nationality and the national ethos. Traditions of Ancient Russian art and folk culture in Russian art in the end of XVIII – beginning of the XX century. Moscow, 1997. 432 p. (In Russ.)

2. Kljukina L. A. Phenomenological strategy of studying the foundations of Russian culture (in 3 parts).

Part I. Metatheoretical approach of M.K. Mamardashvili and A.M. Pyatigorskiy to studying consciousness and culture [digital source]. Petrozavodsk, 2018. 85 p. (In Russ.)

3. Trubeckoj E. N. Contemplation in colors. Meaning of life in Ancient Russian religious paintings // Philosophy of Russian religious art of XVI–XX centuries (antology) / Collection works in 4 tomes. Moscow, 1993. P. 195–219. (In Russ.)

4. Fjodorov N. F. Collection works in 4 tomes. T. I. Moscow, 1995. 518 p. (In Russ.)

5. Fjodorov N. F. Collection works in 4 tomes. T. II. Moscow, 1995. 544 p. (In Russ.)

6. Florenskij P. A. Works in 4 tomes. T. 2. Moscow, 1996. 877 p. (In Russ.)

Klyukina L. THE IDEA OF THE CHURCH AS THE “RUSSIAN IDEA” IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY BETWEEN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2020. № 2. P. 13–18.

THE IDEA OF THE CHURCH AS THE “RUSSIAN IDEA” IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY BETWEEN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

KLYUKINA Lyudmila

Doctor of Philosophy,
Professor,
Petrozavodsk State University, Department of Philosophy and Cultural Studies,
Petrozavodsk, Russian Federation,
klyukina-la77@yandex.ru

Keywords:
ecumenical council
idea of universal unity
“Russian idea”
Trubetskoy
Fedorov
Florensky
church
church service

Summary:
This article analyses the content of the idea of the church as it was interpreted by such representatives of Russian religious philosophy of the late 19th and early 20th centuries as N. F. Fyodorov, E. N. Trubetskoy and P. A. Florensky. The author establishes a point that the idea of the church formulated by these philosophers can be seen as the focal point of Russian religious culture in the late 19th and early 20th centuries. The article demonstrates that such a narrowly defined form of life as church service conveyed the idea of universal unity embedded in Russian philosophy, as well as the notion of the Holy Trinity critical for Russian Orthodox culture. The author comes to the conclusion that the idea of the church formulated by Russian religious philosophers may be interpreted as the means of implementing the metaphysical meaning of the “Russian idea”, that is the idea of spiritual and mental transfiguration of an individual’s life on the basis of the values of the Eastern Orthodox Christianity.